

предание о Мамае. В этом предании трагическая картина предательского убийства Мамаея заменена насмешкой над разбитым врагом».²⁴

Соглашаясь с тем, что восстановить первоначальный вид рассказа невозможно, В. П. Адрианова-Перетц считает, что «фольклорное зерно этого легендарного предания о встрече Мамаея с фрягами все же очевидно, даже и в искаженной переписчиками форме».²⁵

Попытаемся рассмотреть более внимательно, в чем же заключается это фольклорное зерно.

Обращает на себя внимание в этом рассказе разительное несоответствие между несомненно песенными стилистическими элементами и отнюдь не песенным сюжетом. В самом деле, былины, например, нередко кончаются бегством разбитого врага, который клянется, что никогда больше не придет на Русь; но былины никогда не следят дальше за судьбой Батыги, Мамаея или какого-нибудь другого татарского царя. Такого рода мотивы нехарактерны и для исторических песен. По-видимому, с точки зрения народной поэзии (эпической или исторической — все равно) участь врага, после того как он разбит и изгнан из пределов Русской земли, не представляет интереса. Другое дело — исторические предания, которым присуще внимание к отдельным личностям, к их дальнейшей судьбе, вообще к биографическим подробностям. Такой интерес может в равной степени находить выход в сюжетах как сказочно-эпического, так и историко-бытового плана. Но есть одно качество, почти обязательное для преданий, — это наличие сюжета, который интересен сам по себе, отличается занимательностью, содержит какое-то зерно художественного обобщения. С этой точки зрения рассказ о бегстве Мамаея в «Задонщине» трудно представить как народное предание. Рассказ, по существу, лишен фабулы. Мы узнаем, что Мамаея убежал от своего войска и прибежал в Кафу. Здесь фряги встретили его укоризненными и насмешливыми речами. И все. Этого, разумеется, мало для предания. Известие о бегстве Мамаея в город, где его встретили безо всякого сочувствия, — это, конечно, не предание, а вероятно просто одна из многочисленных версий о судьбе татарского царя, разбитого на Куликовом поле. Автор «Задонщины» по каким-то причинам остановился на этой версии, предпочтя ее той исторической версии, какая содержится в других произведениях о битве 1380 г. То обстоятельство, что данная версия не соответствует действительности, не может служить доводом в пользу ее фольклорной природы. В «Задонщине» многие события представлены без достаточной точности, последовательности; в постоянном отступлении от норм прагматического изложения событий состоит одна из художественных особенностей этого памятника. Для Софония как раз вполне естественным было взять (а может быть, и создать самому) именно такую версию бегства Мамаея, позволившую ему завершить повествование двумя важными для него мотивами: сопоставлением участи двух завоевателей — Батыи и Мамаея и иронической трактовкой конца Мамаея. И тот и другой мотив вполне в духе не только «Задонщины», но и «Слова о полку Игореве».

И хотя текстологических и стилистических совпадений со «Словом» в данном эпизоде «Задонщины» не так много, но вполне отчетливо здесь ощущается общая художественная связь двух памятников. Эпизод из «Задонщины» может быть сопоставлен с эпизодом из «Слова», посвященным Всеславу Полоцкому. Всеслав «в ночь вълком рыскаше», «скочи от

²⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в и народная поэзия, стр. 133.

²⁵ Там же, стр. 134